

А.С. Будилович

**Общеславянский язык в ряду
других общих языков древней
и новой Европы.**

**Том 2. Зарождение общего языка
на славянском востоке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А11

A11 **А.С. Будилович**
Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы.:
Том 2. Зарождение общего языка на славянском востоке / А.С. Будилович –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 379 с.

ISBN 978-5-518-06087-6

ISBN 978-5-518-06087-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ II.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Разсмотрѣвъ образованіе семи главныхъ общихъ языковъ древней и новой Европы и установивъ основныя условія, при которыхъ они обыкновенно возникаютъ и развиваются, мы перейдемъ теперь, во второй части настоящаго сочиненія, къ изученію того же историческаго явленія въ средѣ славянъ. Методъ и основныя вопросы этого изученія останутся прежніе, ибо образованіе языка общеславянскаго не представляетъ чего либо исключительнаго въ исторіи человѣчества, а совершается въ тѣхъ же условіяхъ и по тѣмъ же законамъ, какъ образованіе языковъ общегреческаго, общелатинскаго и др. вышеразсмотрѣнныхъ. Разница заключается лишь въ томъ, что оборотъ этого явленія въ средѣ славянской не только не завершился, какъ въ языкахъ греческомъ или латинскомъ, но даже не для всѣхъ ясно обозначился, напоминая въ этомъ отношеніи языкъ итальянскій до Аріоста или нѣмецкій до Опица. Намъ придется, слѣдовательно, изучать общеславянскій языкъ не въ наличности, а въ генезисѣ, и притомъ въ довольно ранній, зародышный, такъ сказать, періодъ его развитія. И тутъ мы встрѣтимъ борьбу тѣхъ же естественныхъ, общественныхъ и личныхъ силъ, развивающихся то въ центростремительномъ, то въ центробѣжномъ направленіяхъ, но борьбу еще не законченную ни въ мірѣ явленій, ни въ сознаніи людей. Изученіе феномена въ такомъ пе-

ріодѣ соединено съ особыми затрудненіями—въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ при изученіи новооткрытой кометы астрономъ, не знающій еще ни быстроты и времени ея движенія, ни эксцентричности эллипса. Но затрудненія эти значительно ослабляются, если мы станемъ изучать оборотъ общеславянскаго языка въ ряду другихъ аналогическихъ явленій, памятуя при этомъ и основные законы этнологіи, соціологіи и філологіи.

Точкою отправленія при этомъ будетъ картина нынѣшнихъ діалектическихъ отношеній славянства, въ его дробленіи по нарѣчіямъ, разнорѣчіямъ, говорамъ, причемъ мы попытаемся опредѣлить ихъ относительный возрастъ и отмѣтить преобладающее направленіе ихъ внѣшняго и внутренняго развитія. Затѣмъ мы разсмотримъ попытки образованія общихъ языковъ на славянскомъ югѣ, западѣ и востокѣ, на почвѣ діалектовъ — болгарскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго и русскаго, прослѣдимъ судьбу этихъ діалектовъ въ роли общихъ языковъ, внимемъ въ причины ихъ историческихъ успѣховъ и неудачъ, и опредѣлимъ относительные размѣры ихъ нынѣшнихъ силъ. Эти указанія исторіи послужатъ читателю критеріемъ для оцѣнки теоретическихъ сужденій объ общемъ языкѣ славянъ, начиная съ Юрія Крижанича и до нашихъ дней. Въ послѣсловіи мы изложимъ свой взглядъ на этотъ предметъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Діалектическія отношенія славянъ.

Народъ, столь многочисленный и распространенный какъ славяне, въ сто-милліонномъ множествѣ занимающій то самъ по себѣ, то въ смѣшеніи съ другими народами, чуть не шестую часть суши, на протяженіи отъ Чешскаго лѣса и Норическихъ Альпъ до Великаго океана и отъ Новой земли до Архипелага и „стѣны недвижнаго Китая“, — такой народъ не можетъ не дробиться на множество нарѣчій, разнорѣчій и говоровъ, тѣмъ болѣе, что ни церковь, ни государство, ни литература не объединили еще прочно всѣхъ его вѣтвей, какъ это случилось со многими другими народами старой и новой Европы.

Все разнообразіе новославянскихъ говоровъ можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: А. восточной, Б. южной и В. западной.

Къ первой принадлежатъ многочисленныя вѣтви русскаго народа, занимающаго обширную область отъ средней Вислы и верхней Тисы до Камчатки и Сахалина, а отъ тундры сѣвера до селеновъ Паропамиза; ко второй — славяне задунайскіе, населяющіе весь почти Балканскій полуостровъ, съ прилегающими угорскими и подальпійскими землями, отъ Варны и Бургаса на востокъ до о. Виса (Lissa) и р. Сочи (Іаонзо) на западѣ, а отъ озеръ Блатенскаго и Целовецкаго на сѣверѣ до подножій Пинда и Аэона на югѣ; къ третьей наконецъ — уцѣлѣвшія вѣтви славянъ привислянскихъ, пріодерскихъ, прилабскихъ, съ примыкающими въ нимъ съ юга поморавцами, поважцами,

погронцами, ипольцами, отъ кашубскаго Поморья на сѣверѣ до горъ Фатры на югѣ и отъ устья р. Сяна на востокѣ до Дамажлицкихъ (Taus) воротъ на западѣ.

Въ смыслѣ діалектическомъ группы эти подраздѣляются на слѣдующія нарѣчія и поднарѣчія:

А. 1) нарѣчіе великорусское, съ разнорѣчіемъ бѣлорусскимъ;

2) нарѣчіе малорусское, съ разнорѣчіемъ червоно-русскимъ.

Б. 3) нарѣчіе болгарское, съ разнорѣчіемъ македонскимъ;

4) нарѣчіе сербское, съ разнорѣчіемъ хорватскимъ;

5) нарѣчіе словинское, съ разнорѣчіемъ резьянскимъ.

В. 6) нарѣчіе чехо-моравское, съ разнорѣчіемъ словенскимъ;

7) нарѣчіе верхнелужицкое (мильчанское), съ разнорѣчіемъ нижнелужицкимъ;

8) нарѣчіе польское, съ разнорѣчіемъ кашубскимъ.

Каждое изъ этихъ восьми нарѣчій съ такимъ же числомъ соподчиненныхъ разнорѣчій можетъ быть подраздѣлено еще на большее или меньшее число говоровъ, какими являются напримѣръ:

1) въ нарѣчій великорусскомъ: окающіе (на сѣверовостокѣ) и акающіе (въ срединѣ и на юговостокѣ): къ послѣднимъ довольно близко примыкаетъ и разнорѣчіе бѣлорусское;

въ нарѣчій малорусскомъ: говоры чернорусскіе (Подляшье и Полѣсье) и украинскіе (на юговостокѣ); въ разнорѣчій червонорусскомъ: говоры подольско-волинскіе, галицкіе и подкарпатскіе;

2) въ нарѣчій болгарскомъ: говоры подбалканскіе или оравомивійскіе и шопскіе (въ Западной Болгаріи), рупаланскіе (въ южной Θракіи и восточной Македоніи ¹⁾) и помацкіе (на границахъ Θракіи и Македоніи); въ разно-

¹⁾ Ср. Archiv für Slavische Philologie, пр. Ягича, VII, 320 сл.; VIII, 96 сл.

рѣчи македонскомъ: говоры восточные (демир-гиссарскій и др.), южные (солунскій, костурскій и др.), западные (охридскій, дебрскій), срединные (битольскій, штипскій);

3) въ нарѣчи сербскомъ или штокавцинѣ: говоры екавскіе (на востокѣ: ресавскій и др.), іекавскіе (на югѣ: герцеговинскій и др.), икавскіе (на западѣ: тутъ босенскій, далматинскій, славонскій и др. ¹⁾);

въ разнорѣчи хорватскомъ: говоры чакавскіе (на юго-востокѣ) и кайкавскіе (на сѣверозападѣ);

4) въ нарѣчи словинскомъ: говоры доленскій, потранскій, горенскій (въ Крайнѣ), хорутанскіе (зильскій и др.), штирійскіе, угрословинскіе (замурскіе и др. ²⁾);

5) въ разнорѣчи словенскомъ: говоры срединные, восточные (руско-словенскіе) и западные (моравско-словенскіе);

въ нарѣчи чешскомъ: говоры южные (собственно-моравскіе, съ подраздѣленіемъ на западные и восточные ³⁾), восточно-чешскіе (подсудетскіе), срединные (Прага, Хрудимъ, Литомѣрицы) и западные (подшумавскіе);

6) въ нарѣчи верхнелужицкомъ: говоры будышинскій, любійскій, голянскій;

7) въ нарѣчи польскомъ: говоры слезскіе, великопольскіе, мазовецкіе, малопольскіе.

При живыхъ сношеніяхъ славянъ эта діалектическая дробность ослабляется нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что въ узлахъ соприкосновенія нѣсколькихъ нарѣчій и разнорѣчій существуютъ переходныя формы: русско-польскія (говоры подляшскій, горальскій и лемковскій), русско-словенскія (сотацкій, гемерскій и н. др.), болгарско-сербскія (тимоцкій, сѣверно-македонскій), хорватско-словинскія (кайкавскій), словенско-польскія (сѣверно-оравскій, сѣверно-

¹⁾ Ibid. IX, 456.

²⁾ Ср. Archiv Ягича, XI, 546.

³⁾ Bartoš, Dialektologie Moravska (Brno 1886), принимаетъ въ Моравіи поднарѣчія: словенское, дольское, валахское, ляхское, ганацкое, горацкое и чешское.

липовскій), чешско-польскія (освѣтимскій, опольскій) и др. Лишь въ двухъ мѣстахъ не находимъ связующихъ звеньевъ: 1. между малорусскимъ и болгарскимъ нарѣчіями, и 2. между словинскимъ и словенскимъ. Они разорваны, кажется, утвержденіемъ волоховъ въ древней Дакии и мадьяръ въ древней Панноніи. На сѣверѣ такой же пробѣлъ замѣчается между разнорѣчіями нижнелужицкимъ и кашубскимъ. Нѣкогда они были связаны говорами полабско-поморскими и ободритскими ¹⁾, которые вытравлены въ послѣдствіи колонистами саксонскими и тюрингскими.

Относительная сила главныхъ нарѣчій выражается въ круглыхъ числахъ слѣдующими цифрами соответствующихъ имъ населеній: русскихъ 75 мил., поляковъ 11 мил., чехо-моравянъ со словаками $7\frac{1}{4}$ мил., сербо-хорватовъ до 6 мил., болгаръ до 4 мил., словенцевъ до $1\frac{1}{2}$ мил., серболужичанъ до 150.000, что даетъ въ совокупности до 105 мил. Распредѣляя эти цифры по діалектическимъ группамъ, получимъ:

А. въ группѣ восточной 75 мил., т. е. приблизительно 71,4⁰/₀;

Б. въ группѣ южной 11,5 мил., т. е. приблизительно 11⁰/₀;

В. въ группѣ западной 18,4 мил., т. е. приблизительно 17,6⁰/₀.

Отсюда явствуетъ, что группа восточная или русская болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе обѣихъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ и болѣе чѣмъ въ шестеро многочислнѣе непосредственно слѣдующей за нею — польской.

Дробность нарѣчій и говоровъ возрастаетъ слѣдовательно по направленію отъ востока къ западу, въ зависимости отчасти отъ горнаго характера послѣдняго, отчасти же отъ раздѣдающаго дѣйствія иноязычныхъ стихій, особенно нѣмецкой.

Это различіе станетъ еще разительнѣе, если мы рассмотримъ въ грамматическій строй и лексическій составъ

¹⁾ Ср. Archiv VIII, 134; ср. 146.

діалектическихъ видовъ и разновидностей славянскаго востока, юга, запада. Взаимное разстояніе нарѣчій великорусскаго и малорусскаго должно бы быть тождественно съ различіемъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго, или чешскаго и польскаго, какъ равностепенныхъ въ классификаціонномъ отношеніи. На дѣлѣ видимъ противное. Оба русскія нарѣчія представляютъ однѣ и тѣ же основы вокализма и консонантизма, ту же акцентуаціонную систему, ту же ступень морфологическаго развитія, тѣ же категоріи матеріальныхъ и формальныхъ значеній, тѣ же условія фразеологическаго и синтаксическаго сочетанія словъ, за изъятіемъ такихъ второстепенныхъ и частныхъ подробностей, какъ конь—кѣнь; бѣда—бида, меня—мэнэ; Иванъ! Иване!; буду читать—читати-му и т. п. Совершенно другое видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго, изъ коихъ первое представляетъ вокализмъ крайне глухой, образовавшійся на почвѣ ринезма, второе же — ясный и чистый, вовсе лишенный этой подпочвы; первое имѣетъ характерныя дифтонги *шт*, *жд* или ихъ замѣны *к'*, *г'*, второе — не менѣ специфическія полифтонги *ћ*, *ѣ*, переходящіе индѣ въ *ч*, *ѣ*; система склоненій перваго настолько разложилась, что похожа скорѣе на новогреческую, румынскую, пожалуй даже французскую, чѣмъ на сербохорватскую. Отсюда же вытекаетъ и глубокое отличіе связанной болгарской конструкціи отъ вольной сербской, основанной на флексивномъ, а не на позиціонномъ началѣ. Если мы взглянемъ затѣмъ на строй нарѣчій польскаго и чешскаго, то и здѣсь замѣтимъ довольно глубокія различія какъ въ системѣ звуковъ и формъ, такъ равно и въ строѣ предложеній. Польское нарѣчіе имѣетъ ринезмъ, чешское не обнаруживаетъ и слѣдовъ его; первое отличается яснымъ и широкимъ тембромъ гласныхъ, второе — глухимъ и узкимъ, съ примѣсю сонантовъ (*р*, *л*), дифтонговъ, и съ господствомъ высокихъ тоновъ (*е*, *і*) надъ средними (*а*) и низкими (*у*, *о*); первое сохранило сильное, хотя и однообразное (на предпоследнемъ слогѣ) удареніе экспиративнаго типа, тогда какъ второе перене-

сло центръ тяжести на долготныя отношенія гласныхъ, совершенно забытыя въ польскомъ. Въ системѣ согласныхъ польскій характеризуется сохраненіемъ смягченныхъ согласныхъ, которые значительно ограничены въ чешскомъ господствомъ среднего по твердости выговора этихъ звуковъ. Эти различія звуковыя отражаются и въ области формъ — гораздо лучшимъ сохраненіемъ флексій въ польскомъ, чѣмъ въ чешскомъ, гдѣ множество окончаній совпало, подъ дѣйствіемъ уподобленій, особенно въ мягкихъ основахъ. Фразеологія и синтаксисъ польскаго нарѣчія менѣе пострадали отъ вліянія нѣмецкаго, чѣмъ въ чешскомъ, которое въ замѣнъ того успѣшнѣе провело систему пуризма въ лексикальномъ составѣ, изгнавъ множество варваризмовъ, донинѣ запружающихъ не только польскій литературный стиль, но и просторѣчія этого языка.

Если бы мы взяли для аналогіи съ русскими „нарѣчіями“ по одному члену изъ западной и южной группы, напр. чешскій и сербскій, польскій и болгарскій, или лужицкій и словинскій, то само собою понятно, что взаимное разстояніе послѣднихъ было бы еще значительнѣе, особенно въ лексикальной области, которая не менѣе грамматики сплавливаетъ нарѣчія каждой изъ трехъ группъ, обособляя въ то же время нарѣчія иногруппныя.

Такимъ образомъ, если въ классификаціонной системѣ мы называемъ нарѣчіями не только сербское и болгарское, чешское и польское, но также великорусское и малорусское, то дѣлаемъ это въ видѣ уступки господствующему обычаю и за отсутствіемъ въ діалектической терминологіи названія промежуточнаго между нарѣчіемъ и разнорѣчіемъ. Будь такое названіе, оно гораздо точнѣе соотвѣтствовало бы дѣйствительному отношенію двухъ основныхъ разновидностей восточной группы говоровъ.

При этомъ не лишено значенія и то обстоятельство, что группа А (русская) занимаетъ срединное положеніе между группами Б и В, которыя составляютъ какъ-бы два діалектическихъ полюса славянства. Это отмѣчено еще

Востокѣвымъ въ 1820 г. ¹⁾, а затѣмъ усвоено было Надеждинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и другими нашими языковѣдами ²⁾. Они руководились при этомъ грамматическими признаками. Но не менѣе замѣтна эта срединность русскихъ нарѣчій въ средѣ прочихъ славянскихъ и на лексикальномъ ихъ составѣ, который поражаетъ сверхъ того и чрезвычайнымъ обиліемъ русскихъ словъ, составляющимъ навѣрно не менѣе трехъ четвертей коренного запаса словъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ ³⁾.

Чѣмъ бы ни объяснять эту срединность русскихъ нарѣчій въ семьѣ славянской, — расположеніемъ ли древнѣйшихъ русскихъ областей въ центральной части племенной области, близъ подбескиднаго водораздѣла системъ балтійской (западно-славянской) и черноморской (южно-славянской), или генетическими связями русскаго народа съ выходцами западными (радимичи и вятичи?) и южными (сербы и хорваты въ Илирикѣ?), — самый фактъ этой срединности не подлежитъ сомнѣнію. Онъ имѣетъ важное значеніе не только въ этнологіи, но и въ исторической діалектологіи славянъ.

Какъ ни значительна діалектическая разрозненность нынѣшнихъ славянъ, все же нельзя сказать, что она представляетъ нѣчто исключительное въ средѣ другихъ большихъ племенъ. И древніе греки раздѣлены были на множество нарѣчій, разнорѣчій, говоровъ, хотя и менѣе различныхъ между собою, чѣмъ славянскіе. Впрочемъ, греки не были столь многочисленнымъ и расселеннымъ народомъ, какъ славяне. Если же мы возьмемъ древнихъ италиковъ,

¹⁾ „Русскій языкъ составляетъ средину между восточными (читай: южными) и западными діалектами (читай: нарѣчіями) славянскими“. Востокова А., Филологическія наблюденія. СПб. 1865 г., стр. 15.

²⁾ См. особенно Максимовича, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1880 г., т. III, стр. 6, 41, 45.

³⁾ Подтвержденіе этого можно найти и въ моемъ трудѣ: Первобытные славяне, въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, Кіевъ 1872 г.

то въ нарѣчіяхъ осскомъ, латинскомъ и умбрскомъ, пожалуй, найдемъ діалектическія особи, разошедшіяся между собою далѣе, чѣмъ болгаре, сербы, словенцы, — а можетъ быть и далѣе, чѣмъ рускіе, сербы, чехи. Такъ и въ новоитальянской средѣ нарѣчія ломбардское, тосканское и сициліанское, въ испанской — вастильское, каталанское, галлетское, во французской — ойльское, ронское, провансское, гасконское, разошлись между собою не менѣе русскаго, болгарскаго и польскаго. Если же возьмемъ племя германское, представляющее болѣе сходства со славянскимъ по своей многочисленности, расселенности и исторической разобщенности, то взаимныя отношенія группъ скандинавской, англійской и нѣмецкой еще дальше взаимнаго разстоянія группъ А, Б, В въ семьѣ славянской. Даже нарѣчія нѣмецкаго материка — нижнія, серединныя, верхнія отстоятъ другъ отъ друга не ближе, чѣмъ нарѣчія славянскаго востока, юга и запада. Это доказываетъ и относительная легкость изученія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ сравненіи съ нѣмецкими. Говоримъ „изученія“, а не пониманія, ибо нечего намъ самообольщаться на этотъ счетъ: нынѣшнія славянскія нарѣчія понятны взаимно лишь въ средѣ общей группы и то до извѣстной только степени, при помощи нѣкотораго навыка; нарѣчія же иногруппныя, напр. болгарское для русскаго, или чешское для серба, представляютъ при взаимныхъ объясненіяхъ немаловажныя затрудненія. Они могутъ быть устранены лишь изученіемъ, хотя и не столь продолжительнымъ, какъ при усвоеніи нарѣчія нидерландскаго алеманомъ, или фризскаго тиролецемъ.

Когда же образовались въ славянской средѣ эти — относительно глубокія — діалектическія грани, эти обособленные нарѣчные типы?

Уже а ргіогі могли бы мы утверждать, что они идутъ отъ сѣдой старины, въ виду общей медленности діалектческаго роста всѣхъ вышерассмотрѣнныхъ нарѣчій и особенной консервативности языка славянскаго, по которой онъ занимаетъ первое за литовскимъ мѣсто въ семьѣ аріо-